

Когда они вернулись в комнату, «странности» Бай Циюя как не бывало.

Цинь Гуаньхэ протянул ему чашку горячего чая:

— Промочи горло.

Теплая поверхность чашки, коснувшаяся ладони, заставила Бай Циюя вздрогнуть. Он словно очнулся от глубокого, беспросветного кошмара.

Он, казалось, даже не заметил, что они выходили, и не спросил, откуда взялся чай. Сделав несколько жадных глотков, он осушил чашку, не заботясь о том, что обжигается, — его мучила нестерпимая жажда.

— Тот человек называл себя то участником экспедиции, заблудившимся в городе, то бродягой. Но у него не было ни емкостей для еды и воды, ни одежды, ни постели, чтобы укрыться от холода. Слишком уж все это выглядело фальшиво.

— На самом деле, я тоже перекинулся с ним парой слов.

— Может, потому что я долго скитался по таким местам, где не видно дневного света, и отвык от общения. А может, от нервов, но поначалу он мямлил что-то невнятное. Потом, когда разговорился, стал выражаться яснее.

— У него была неплохая речь. Мне он показался высокообразованным человеком, который любит разглагольствовать, отчего слушателям становилось не по себе.

— Например, когда я спросил, чем он занимается, он начал сыпать терминами вроде «двойное алкилирование» или «таргетная терапия». Сплошь узкоспециализированные, книжные слова.

Бай Циюй покачал головой:

— Но если задуматься, если он действительно такой интеллект, почему докатился до такой жизни?

— В общем, после того как мы пообщались, даже такой бывалый и суровый мужчина, как Гуань Бао, покрылся холодным потом. Он отвел нас в сторонку и сказал, что с этим парнем точно что-то не так. Что он специально сыпал терминами, которые мы не могли понять, — мол, он либо преступник в розыске, либо нелегал. Гуань Бао был уверен, что тот не мог быть здесь один, у него наверняка есть сообщники или целая организация, и нам нужно немедленно возвращаться.

— Это предложение наконец-то встретило поддержку всех остальных.

— Честно говоря, хотя мы и называли это «экспедицией» и «охотой на призраков», большинство из нас были материалистами, движимыми лишь праздным любопытством.

— Но когда мы действительно оказались в такой ловушке, страшнее призраков стали эти непонятные, подозрительные чужаки.

— Только тогда я понял, почему бабушка говорила, что самое страшное место — это корабль в открытом море.

— Запертые в герметичном, тесном до удушья трюме, без связи, без свободы... вокруг лишь бескрайнее море, до которого не дотянуться ни закону, ни порядку...

— Каждое судно становится маленьким закрытым обществом, где люди оказываются в состоянии безвластия, возвращаясь к идеологиям тысячелетней давности... И самое страшное — это даже не первобытный строй, а «феодалная династия»... Ох, прошу прощения, я отвлекся.

Возможно, вспомнив слова старушки, Бай Циюй слишком далеко ушел в своих мыслях. Он тихо кашлянул, возвращаясь к теме.

— В общем, тогда нам было уже не до призраков и не до того, как далеко мы зашли. Мы без остановки двинулись обратно по своим следам.

Цинь Гуаньхэ, внимательно слушавший до этого момента, не удержался от вопроса:

— Тот человек не преследовал вас?

— Он гнался за нами какое-то время. Но только какое-то. Метров пятьсот? Километр?

Неизвестно почему, но, говоря об этом человеке, Бай Циюй понизил голос до шепота, словно боясь, что громкий звук может что-то разбудить.

Его осторожность передалась и Цинь Гуаньхэ. Тот напрягся, крепче сжал кнут Вэнь-вана и не сводил с собеседника глаз.

— Но нас было много. Три девушки и тринадцать парней, все крепкие, хорошо экипированные.

— Тот человек был чумазым, всклокоченная борода и волосы скрывали лицо, верхняя часть тела обнажена, на ногах какие-то не то треники, не то рваные ватные штаны, даже обуви не было. Когда мы прибавили ходу, он не смог за нами угнаться.

— Мы неслись на полной скорости около получаса, может, сорока минут.

— От напряжения и страха сердца колотились так, будто готовы были выскочить из груди. В таких условиях, при нехватке кислорода и бешеном пульсе, в конечностях неизбежно начала скапливаться молочная кислота, мышцы заныли от боли.

— Хотя среди нас не было слабаков, но и таких железных людей, как Гуань Бао, было немного. Ай Чуньшэн предложил передохнуть, и большинство согласилось.

— Вэй-гэ был против. Честно говоря, никто не удивился, что он возражал.

— Вэй-гэ был другом детства Гуань Бао, но до него ему было далеко. Он только выглядел крепким, а на деле — сплошная показуха. Во время ночных дежурств он вечно искал повод отлынивать. Все уже поняли, что он трусоват, и называли его Вэй-гэ только ради насмешки.

— Короче, Вэй-гэ настаивал, что слышал отчетливые шаги, причем не одного человека. Он кричал, что тот дикарь со своими поделщиками стремительно приближается.

— Он выглядел до смерти напуганным, размахивал руками, фонарик в его руке метался из стороны в сторону, раздражая всех. Он твердил одно и то же: они нас убьют, не надо было сюда приходить, Ян Юйсэнь нас погубит.

— Такое детское, нелепое нытье вызвало у большинства раздражение, и Ян Юйсэнь сцепился с ним в перепалке, которая переросла в драку.

— Обычно, когда ребята мерились силами, Гуань Бао не вмешивался, мы даже подначивали их. Но тут что-то пошло не так.

— Вэй-гэ начал кусаться. Как бешеный пес, он вцепился Ян Юйсэню в плечо и не отпускал. Укус был таким страшным, что кровь пропитала одежду, и Ян Юйсэнь катался по земле от боли.

— Однокурсник Ян Юйсэня, Чэнь Шу, не стерпел. Они с Ай Чунышэном растащили их, обвиняя Гуань Бао в том, что тот выгораживает своего друга.

— Гуань Бао и сам был в отчаянии: как капитан, он нес ответственность за всех. Он подошел, чтобы извиниться перед Ян Юйсэнем за Вэй-гэ, а потом оттащил того в сторону, чтобы выяснить, в чем дело. Он орал так громко, чтобы Ян Юйсэнь слышал.

— Наша «королева команды», Пэй Шисюнь — медсестра из педиатрии 509-го госпиталя НОАК в районе Лаошань — была очень мягкой девушкой. Ее парень, Линь Тяньюй, был нашим командным врачом, ортопедом.

— Они бросились оказывать Ян Юйсэню помощь. Когда сняли одежду, мы ахнули: кожа была разорвана в клочья, рана зияла, кровь лилась ручьем, половина футболки промокла. Мы тогда еще удивлялись: неужели человеческие зубы могут быть такими острыми, чтобы прокусить одежду до такого состояния?

— Ян Юйсэнь, не привыкший терпеть подобное, пока ему бинтовали рану, требовал, чтобы Вэй-гэ ответил за свои действия, иначе по выходе ему не поздоровится. Он кричал: «Жди, мой двоюродный брат тебя прикончит!»

— У Ян Юйсэня была обеспеченная семья, я слышал, что его отец — третий человек в провинциальном управлении, а двоюродный брат работает с ним и имеет связи в местной полиции. Мы в шутку называли его «циндаоским принцем». Обычно он был приятным парнем, без закидонов, но если заведется — настоящий маленький тиран.

— Его угрозы мы воспринимали как шутку, три девушки успокаивали его, как ребенка. Но он, видимо, был в ярости. Раньше он легко переводил все в шутку, а тут начал поливать Вэй-гэ последними словами: «низший сорт», «изрублю в капусту», «скормлю диким псам» — все самое грубое и злое, что только можно было придумать.

— Чем дольше мы слушали, тем больше нам казалось, что что-то не так. Раньше Ян Юйсэнь таким не был.

— Линь Тяньюй предположил, что это психологическое давление из-за гнетущей обстановки. Отсутствие дневного света, свежего воздуха, долгое пребывание в темноте — все это провоцирует расстройства. Он спросил, есть ли у кого сахар, чтобы успокоить его. Пэй Шисюнь протянула ему шоколадку, но он отшвырнул ее руку.

— Ситуация была хаотичной, — горько усмехнулся Бай Циюй. — Я был в хороших отношениях с Ян Юйсэнем и пытался его вразумить. Как бы сказать... он словно стал другим человеком. Если бы не то же самое лицо, никто из знакомых не узнал бы в нем того весельчака.

— В конце концов, после долгих уговоров, их удалось разнять. Хотя они перестали ссориться, было ясно, что обида осталась. Не знаю, что Гуань Бао наговорил Вэй-гэ, но взгляд того... Я нечаянно встретился с ним глазами: жуткий, с выпирающими белками, как у дохлой рыбы. От этого взгляда по спине бежали мурашки. Я бы не удивился, если бы человек с такими глазами

в следующую секунду схватился за нож.

— Но какими бы ни были обиды, нужно было выбирать. Мы продолжили путь. Чтобы избежать новых драк, поставили Вэй-гэ в хвост, а Ян Юйсэня — в голову, разделив их дистанцией.

— Вы, наверное, удивитесь, почему я так подробно рассказываю об этой драке... — Бай Циюй вздохнул и открыл заметки. — Полгода назад Вэй-гэ умер. А Ян Юйсэнь сошел с ума.

— Погоди... — удивился Цинь Гуаньхэ. — Как умер этот Вэй-гэ?

— Официально — в результате ДТП, — сказал Бай Циюй. — О его смерти я узнал от Гуань Бао.

— Сразу после праздника Весны, числа семнадцатого-восемнадцатого, он спросил, пойду ли я на похороны. Вопрос был внезапным, без предисловий, я даже подумал, что его аккаунт взломали. Поговорили немного и выяснили, что умер Вэй-гэ.

— К сожалению, я тогда только устроился на работу, отпуска не было, да и с Вэй-гэ мы не были так близки, поэтому вежливо отказался. Но все же мы вместе проводили время, поэтому я передал через Гуань Бао двести юаней на похороны.

— Мы созванивались. По голосу Гуань Бао было слышно, что он в плохом состоянии: голос хриплый, сил нет. Наверное, горевал, все-таки они выросли вместе.

— Гуань Бао сказал, что сначала подозревал, будто Ян Юйсэнь причастен к смерти Вэй-гэ.

— Но полиция изучила записи с камер: Вэй-гэ уснул прямо за рулем мотоцикла, врезался в дорожный отбойник, а потом в припаркованный пикап и погиб на месте.

— В ту ночь шел дождь, было туманно, холодно и мрачно. На дороге было пусто, видимость низкая, никто не заметил, что он ехал спящим. В пикапе никого не было, водитель как раз ушел за сигаретами.

— Это очень странно, — нахмурился Цинь Гуаньхэ. — Бабушка Ло, что вы думаете?

Бай Циюй знал, что смущает Цинь Гуаньхэ. Его самого все эти годы мучил тот же вопрос:

В наше время мотоциклы водят молодые ребята, жаждущие скорости и драйва, как можно было уснуть за рулем?

Бабушка Ло спокойно произнесла:

— Покажи мне его фото.

— Фото? О, сейчас...

Бай Циюй стал листать фотографии. К сожалению, Вэй-гэ был только на групповом снимке перед входом в канализацию.

Восемнадцать молодых людей сияли улыбками, предвкушая «таинственное приключение».

Он неуверенно увеличил фото, просмотрел его и указал на мужчину ростом под метр девяносто:

— Это он.

У мужчины был круглое лицо, вид добродушного простака — ни намека на того «бешеного пса», о котором говорил Бай Циюй.

Бабушка Ло мельком взглянула на фото, и ее глаза потемнели.

— Кто делал снимок?

— Никто, — пояснил Бай Циюй. — Камера на таймере.

Заметив, что лицо бабушки Ло помрачнело, он занервничал:

— Вы... что-то увидели?

Не успела бабушка Ло ответить, как Цинь Гуаньхэ резко вскочил.

Казалось, он увидел нечто совершенно невообразимое, на его лице отразился шок, смешанный с недоумением.

Честно говоря, видеть такое выражение на лице человека с такой «бессмертной» аурой было особенно тревожно.

Он прошептал:

— На этой фотографии... кажется, нет...

Бабушка Ло подняла руку, прерывая его, и силой усадила Цинь Гуаньхэ обратно на пол. Она провела сухой, старческой рукой по его векам, и тот постепенно успокоился.

— Что с ним? — Бай Циюй с сомнением посмотрел на Цинь Гуаньхэ. — Эта фотография запечатлела что-то плохое?

Он с тревогой крутил телефон в руках, но ничего необычного не находил.

Фотография была светлой, выражения лиц у всех отличные, глаза широко открыты — идеальный снимок.

Когда Цинь Гуаньхэ пришел в себя, он все еще выглядел так, будто хотел что-то сказать, и постоянно поглядывал на бабушку Ло. Бай Циюй заметил, что он так крепко сжимает кнут Вэнь-вана, что костяшки пальцев побелели.

Но бабушка Ло покачала головой:

— Фотография... дело не в фотографии. Вокруг этого человека очень грязно. Что-то сидит в его шкуре.

Сказав это, она внезапно содрогнулась, закатила глаза и дважды подряд зевнула.

Серия странностей произошла за считанные секунды, и даже Бай Циюй, морально готовый к подобному, почувствовал, как сердце ушло в пятки.

Когда белый дым от благовоний слегка дрогнул, к бабушке Ло вернулось самообладание.

— Он заплатит за свой язык.

Бай Циюй испугался:

— Значит, это Ян Юйсэнь погубил Вэй-гэ?

Бабушка Ло не ответила ни «да», ни «нет». Подумав, она указала на другого человека на экране:

— Ян Юйсэнь, это он?

Точно!

Под старческой рукой был тот самый щеголь из Циндао в спортивном стиле.

Дорогие часы, облегающая одежда, огромные брендовые очки на лбу, большие пальцы вверх, ослепительная улыбка.

Цинь Гуаньхэ хотел что-то сказать, но бабушка Ло прервала его:

— Это сделал не он. Они уже заражены.

Они? Вэй-гэ и Ян Юйсэнь?

Бай Циюй вздрогнул:

— Вы имеете в виду... Его?

— Неясно, — покачала головой бабушка Ло. — Лучше пусть Ян Юйсэнь придет ко мне.

— Возможно, уже поздно... Это вторая вещь, о которой я хотел рассказать.

Бай Циюй опустил глаза, в них читалась боль:

— Ян Юйсэнь сошел с ума. Через месяц после смерти Вэй-гэ. Сейчас он заперт в военном санатории.

Услышав это, бабушка Ло не выказала удивления. Она опустила взгляд и снова рассыпала горсть риса.

— Это заразно, — сказала она. — Ненависть, отвращение... страх — это самые быстрые способы распространения скверны.

Возможно, видя подавленность Бай Циюя, она добавила:

— Негативные эмоции снижают иммунитет, не только тела, но и души.

— В некоторых местах говорят, что шаманизм — это учение об исцелении души, и это правда. Эта скверна... призрачные обиды, требующие долга, — это вирусная «ци», пожирающая душу.

Бай Циюй не совсем понял:

— Вы хотите сказать... призраки — это просто грязная ци? У них нет плоти? Но тот, кого я встретил, был вполне материален.

Бабушка Ло промолчала, жестом призывая продолжать.

— Ох... на чем я остановился? Да, Ян Юйсэнь. После странной смерти Вэй-гэ и последующего безумия Ян Юйсэня трудно было не провести параллели — может, его напугали, или он сгрызаем чувством вины?

— Большинство из нас не пошли на похороны Вэй-гэ, но, узнав, что Ян Юйсэнь сошел с ума, даже те, кто был за границей или на стажировке, нашли время, чтобы собраться вместе и навестить его в санатории.

— Мы думали, что это место для старых военных и чиновников, шутили, что деньги решают все и что он просто отдыхает.

— Но когда приехали, поняли, что это совсем не так.

— Это была закрытая психиатрическая больница на отшибе, называвшаяся «Первый военный санаторий для душевнобольных». Огромная территория, но мало пациентов и персонала.

— Пустой двор примыкал к глубоким горам, по периметру — стена с колючей проволокой под высоким напряжением. Вид был жуткий.

— В таких местах... может, та самая «ци» не в порядке, там было очень неуютно. Мы даже шутили про плохой фэн-шуй.

— Врачи, услышав, что мы хотим навестить Ян Юйсэня, замялись. Их уклончивость и нежелание пускать нас были очевидны.

— Только когда Чэнь Шу связался с семьей Ян Юйсэня и они позвонили врачам, нас пустили.

— Сначала мы думали, что такая строгость — просто причуда врачей.

— Но когда увидели его, поняли, что имели в виду врачи под словом «проблемы».

— В сопровождении трех крепких санитаров и двух врачей с транквилизаторами мы прошли через лабиринт железных сеток и увидели Ян Юйсэня.

— Как бы сказать... — Бай Циюй невольно вздрогнул. — Это было так странно, я даже не могу назвать его человеком.

— Он... он ползал на четвереньках.

Бай Циюй показал жестом, как именно.

— Вот так... голова вверху, конечности вывернуты.

— Увидев нас, он издал непонятный, лишенный логики рев, похожий на невнятные звуки.

— Что-то вроде «не надо, не надо, не надо...», мы не могли с ним общаться.

— Трудно понять наше потрясение, если не видеть этого лично... Врачи сказали, что он таким поступил.

— Сказали, что лечить его невозможно. Препараты давали лишь для того, чтобы он спал, а если не помогало — кололи успокоительное. Иначе он вел себя еще хуже.

— Сказали, что то, что мы видим — это еще легкая форма, а в тяжелых случаях он бросается кусаться, и трое здоровых мужчин не могут его удержать.

— Мы были в ужасе. Как нормальный человек мог дойти до такого?

— Начали сомневаться в квалификации врачей, не они ли довели его до такого состояния в этой «тюрьме».

— Чэнь Шу, здоровый мужик, расплакался и требовал у семьи перевести Ян Юйсэня в другую клинику.

— Но оказалось, что это уже четвертая больница. Остальные не могли его лечить или не решались принять.

— Дома держать его было еще опаснее. По ночам он вставал, выл, произносил отвратительные, бессмысленные фразы, доводя сестру до депрессии.

— Но самое страшное — он начал есть сырое мясо!

— Сырое мясо, рыбу, ледяные куски мяса и костей прямо из холодильника!

— И не тайком, а среди бела дня, полностью отбросив человеческую мораль, без всякого стыда.

— Его семья была христианской, мать пригласила местного епископа, уважаемого отца, принявшего крещение в Риме.

— Три дня и три ночи он читал молитвы, но реакции не было, а Ян Юйсэнь чуть не откусил ему кусок плоти.

— Тот епископ был ответственным человеком, привел еще десяток священников, святую воду, кресты — все бесполезно. Пока они молились, Ян Юйсэнь ползал по потолку и смеялся: «Кей-кей».

— В конце концов священник сказал: «Ваш сын просто душевнобольной, лечите его», — и ушел.

— Последней каплей стало то, что он съел старого кота, который жил у них двенадцать лет.

— Загрыз живьем, разорвал на части и сожрал.

— Начался хаос, мать упала в обморок, вызвали скорую. Кровавые останки кота были повсюду.

— Придя в себя, мать твердила, что Ян Юйсэнь больше не ее сын, что в него вселился дьявол, и что от одного взгляда в его черные глаза бросает в кошмар.

— Это было так бесчеловечно, что мы не могли поверить...

— Я бывал у него дома и видел того кота.

— Толстый рыжий кот, любил валяться на солнце в саду.

— Ян Юйсэнь смеялся, что за ним надо следить, иначе уличные коты побьют его, говорил, что в молодости кот был задирой, а теперь пришло время расплаты.

— Когда он это говорил, в его глазах светилась нежность. Он правда любил кота, который был с ним с самого рождения.

— Линь Тяньюй, хоть и ортопед, понимал, что ни один известный психиатрический диагноз не объясняет такого поведения.

— Мы посмотрели историю болезни: «тяжелое маниакальное расстройство» и «тяжелая тревожность». Линь Тяньюй сказал, что это полная чушь.

— Мы хотели помочь, но никто не мог. Врач, видя наше состояние, сказал: «Психические заболевания — лишь одни из многих, медицина развивается, может, через полгода ему станет лучше».

— Но даже после этих слов мы не верили... Разве это можно вылечить?

— После того визита жуткий образ Ян Юйсэня навсегда отпечатался в наших сердцах. Всякий раз, вспоминая ту экспедицию, мы чувствовали гнетущий страх.

— Мы молча, словно убегая от правды, перестали общаться, группа заглохла...

Бай Циюй долго вздыхал, его глаза покраснели. Он смотрел на алтарь, словно спрашивая духов или самого себя:

— Шестнадцать человек. Один погиб, один сошел с ума. Третьим, кажется, буду я...

Цинь Гуаньхэ нахмурился:

— Судя по описанию, это очень похоже на одержимость. Его семья не обращалась к мастерам?

— Кажется, они в это не верят, не знаю, искали ли они кого-то... — В глазах Бай Циюя мелькнула надежда. — Вы хотите сказать, что его еще можно спасти?

Цинь Гуаньхэ переглянулся с бабушкой Ло. Та промолчала, лишь спросила:

— Он еще жив?

— Должен быть! — выпалил Бай Циюй. — Последний раз я видел его в апреле, прошло всего пять месяцев.

Мы перед отъездом консультировались с врачом, он сказал, что симптомы у него жуткие, но не смертельные. Главное — приставить к нему человека, чтобы следил, и если не наложит на себя руки, то жизни ничего не угрожает.

С этими словами он сделал паузу и добавил:

— Тогда, когда с моими делами будет покончено, я дам его семье ваши контакты?

Однако Бабушка Ло с серьезным видом возразила:

— Свяжись с ним прямо сейчас.

Бай Циюй опешил:

— Но разве сначала не нужно разобраться с тем, что творится со мной?

Но Бабушка Ло редко когда так настойчиво требовала что-то сделать. Он подавил сомнения и поспешил связаться с Ян Юйсэнем.

Телефона под рукой не было, в WeChat войти не удалось, к счастью, оставались QICQ, электронная почта, Weibo и тому подобное.

Главная трудность была в том, что Ян Юйсэнь находился в закрытом санатории, поэтому нужно было связываться с его опекуном. Но у Бай Циюя не было ни одного контакта, и ему пришлось обратиться к старому однокурснику Ян Юйсэня — Чэнь Шу.

Последние несколько лет Чэнь Шу занимался бизнесом по разведению рыбы в открытом море и жил прямо на рыболовных плотках, по десять-пятнадцать дней не возвращаясь на сушу.

Возможно, небеса сжалились над Бай Циюем: стоило ему отправить сообщение в QICQ, как тут же пришёл ответ.

Cherish: Брат Чэнь, мне срочно нужно с тобой поговорить. Ты в последние дни связывался со старым Яном? Как он?

Уставший Чэнь Шу: ?

Уставший Чэнь Шу: Его семьи рядом нет, он что, с тобой не связывался?

Уставший Чэнь Шу: Ладно...

Уставший Чэнь Шу: Ты... ты приготовься морально... хотя нет. Тебе удобно сейчас поговорить по голосовой связи?

Сердце Бай Циюя ёкнуло, дурное предчувствие захлестнуло его: неужто Чэнь Шу сам набирал этот текст? Дрожащими руками? Проблемы с голосовым вводом? Или в море просто плохой сигнал?

Как бы то ни было, смысл был понятен: Чэнь Шу предлагал созвониться.

Он вопросительно взглянул на Бабушку Ло. Та кивнула, разрешая ответить.

Чэнь Шу звонил по видеосвязи.

Как только экран засветился, Бай Циюй не сдержал возгласа:

— Старый Чэнь, что с тобой?!

По сравнению с их последней встречей, когда перед ним был преуспевающий молодой предприниматель, полный сил и амбиций, теперь Чэнь Шу выглядел ужасно.

Было непонятно, где именно находится собеседник — фон за ним тонул в темноте.

В холодном свете экрана виднелся небольшой участок стены, покрытый грязными масляными пятнами и плесенью. Бай Циюй предположил, что это либо морской домик на сваях, либо внутренность каюты.

Глаза Чэнь Шу налились кровью, в них застыл тупой, безучастный блеск.

Но ещё более заметно было то, что левая половина его лица скрыта бинтами, пропитанными грязными чёрно-жёлтыми маслянистыми выделениями — по всей видимости, их давно не меняли.

Похоже было не на рану, а скорее на попытку что-то скрыть.

Присмотревшись, Бай Циюй заметил, что на границе бинтов и кожи... кажется... начиналось разложение.

Такая давно гниющая, болезненно-чёрно-красная плоть.

Бай Циюй невольно засмотрелся на это место, но тут Чэнь Шу обрушил на него гром среди ясного неба.

Он сказал:

— Ян Юйсэнь мёртв. Похороны прошли шестого числа прошлого месяца. Он умер.

— Не может быть! — вздрогнул Бай Циюй. — Врач же говорил, что его болезнь не смертельна!

Чэнь Шу мучительно замотал головой; из-под бинтов то и дело показывалась тошнотворная гниющая плоть, от чего у Бай Циюя всё переворачивалось внутри.

— А твоё лицо... нет, я хочу сказать, — Бай Циюй понял, что лучше не беречь рану Чэнь Шу, и заставил себя вернуться к главному, — как умер Ян Юйсэнь?

— Я тоже не знаю, — хрипло проговорил Чэнь Шу. — Его родителям позвонили из больницы в

три часа ночи. Они были так убиты, что не могли стоять на ногах, даже не решились сообщить его младшей сестре. Пришлось его двоюродному брату из полиции везти их на машине в район Лаошань.

— Хорошо, что поехал именно он... будь на его месте кто другой — у того бы кишка тонка была.

— Как родители увидели тело, сразу рухнули без сознания. Брат и забирал труп.

— Того двоюродного брата зовут Ян Юйтянь. Ты должен его помнить. Лицо в два шрама, здорово пил, мужик, женившийся во второй раз... Когда он сообщил мне о похоронах, я тоже не поверил. А ты бы поверил?

— Спрашиваю, отчего умер — ни в какую не говорит. Пришлось тайно с ним встретиться, напоить его в бане, и только тогда удалось выведать.

Договорив, Чэнь Шу закрыл глаза. Казалось, под веками у него шевелились черви, а мельчайшие сосуды пульсировали в бешеном ритме — словно его терзал чудовищный страх.

Голос его звучал глухо, как жуткий, протяжный шум из водосточной трубы.

— Ян Юйтянь, при всей своей свирепости... на его лице был написан дикий ужас, от которого мороз по коже... Он сказал, что Ян Юйсэнь умер, будто его обезводило.

— Белый живот, кожа вся потрескалась, глаза мутные, словно две лужи грязной воды... как у той жирной, вонючей рыбы.

— Мы прокляты! Бай Ци! Никому из нас не уйти! Никому не уйти!!!

Внезапно Чэнь Шу закричал истошным, сорванным голосом, широко распахнув глаза.

Бай Циюй не сдержался и тоже закричал от ужаса, потому что... глазные яблоки Чэнь Шу были сплошь усеяны мухами и копошащимися белыми опарышами!

<http://bllate.org/book/18696/1806999>